

и напасть в тылу на турок: при успехе можно получить избавление, при неудаче погибнуть — всё равно где, в городе ли, или за городом. Но двое, кир Лука архидукс и епарх Николай, сперва молчат, а затем возражают: „Се уже пять месяцъ прошли, отнележе начахом битися с турки, просяще милости божиа, и аще будет воля его, еще можем и иныя пять месяцъ братися с ними; аще ли же не будет божие помощи, и тако сътворим, единым часом вси погибнем и град погубим“ (451). В конце концов это мнение взяло верх и от вылазки отказались. Из приведенных слов этих двух лиц вытекало, что до 7 мая (когда был военный совет) город уже пять месяцев выдерживал осаду, и вышло, что осада началась в первых числах декабря, может быть и 1 декабря; этот-то промежуток времени в пять месяцев и надо было заполнить, приурочивая отдельные моменты осады к тем или другим числам, как это имело место во второй половине повести. 14 декабря легко было проставить, раз осада началась 1 декабря, а первый приступ произошел через 13 дней, как указано в самой повести (446). Дальше провести такую работу было уже труднее; но в тексте повести и для нее можно было найти некоторую опору, именно в указаниях на промежутки между отдельными приступами. После неудачного для турок приступа 14-го числа на 7-й день Магомет двигает к стенам города новые войска, т. е. 21 декабря (447); названный вторым приступ (448) происходит по повести 30 декабря; следующий за ним приступ — через 25 дней, т. е. 24 января (449), когда турки, понеся громадный урон при взрыве, отошли от стен города, и султан стал колебаться, не снять ли ему осаду города. Эти колебания, во время которых имели место и неудачные для греков переговоры о мире, продолжались до 6 мая, когда бомбардировка возобновилась и образовалось „полое место“ в стене. Тут никаких опор для хронологических выкладок повесть не дала, сказано только: „Магмет многа дни съветовав, приложиша отступити от града“ (450). В этот промежуток времени, по мнению внесившего в повесть хронологию, никаких военных действий не происходило. Так, надо полагать, была сделана в повести попытка рассчитать время — 6—7 мая, когда начались более энергичные действия турок, приведшие к штурму 29 мая. С этого времени повесть не нуждалась в приспособлении своей хронологии к действительной. Если так можно себе объяснить своеобразие повести в ее первой половине сравнительно с устанавливаемой по иным источникам хронологией, то всё же объяснение это остается, конечно, только вероятным, так как оно покоится на заведомо неточном сообщении, вложенном повестью в уста кир Луки и епарха Николая, о пяти месяцах, протекших от начала осады до 6 мая, и хронология повести в этой ее части остается неприемлемой. Каким путем эта ошибочная хронология попала в повесть, решить трудно. Возможно только такое, и то лишь предположительное, объяснение: если сведения о том, что происходило в городе во время осады, собирались после взятия города, то естественно предположить, что сообщение о пяти месяцах осады до 6 мая, само по себе ошибочное, получено было составителем записок из вторых рук, так как Лука и Николай были казнены Магометом тотчас по взятии города. Кто же мог произвести эти неверные хронологические выкладки в повести? Тут может дать некоторые указания сопоставление исандеровского текста с хронографическим, который в первой половине расходится в этом пункте с исандеровским: в этом последнем до 6 мая таких, как в хронографическом (числа и месяцы), выкладок нет. Место о начале осады в них читается так: